

Leontij Mironiuk
Olsztyn

Культура польско-восточнославянского пограничья в аспекте мезонимии

В широком понимании *пограничье* и *мезонимия* относятся к единой сфере понятий, связанных с семантикой срединности. У человека, очевидно, с давних пор вырабатывался особый мезонимный тип мышления в таких его разновидностях: а) фольклорно-сказочное мышление: налево пойдёшь... – прямо пойдёшь... – направо пойдёшь; б) историческое мышление: древние века – средние века – новые века, новое время; в) политическое мышление: левые – центристы – правые; г) пространственно-географическое: северный полюс – экватор – южный полюс; Средиземноморье, Междуречье, Месопотамия, Мезоамерика и др.; д) металингвистическое: стили высокий – средний – низкий; род мужской – средний – женский и пр.

Мезонимия возникает в зоне интертекстуальности, восходящей к идее Михаила Бахтина, трактовавшего культуру как диалог. В частности, бахтинский хронотоп не был бы столь диалогичным без понятия мезонимного (срединного, промежуточного) времени, включающего в себя следующие компоненты: а) внутреннее время а la Husserl; б) общебытийное (в том числе и грамматическое) понятие настоящего времени как срединного элемента между прошедшим и будущим; в) мезонимные зоны, возникающие в процессе представления языкового материала при переходе от „незавершённости” (персонажа, произведения) к полузавершённости и гипотетической „завершённости” в их бахтинском понимании¹.

Михаил Лермонтов в своё время заметил, что образы искусства ведут особое существование: „Им принадлежит как бы срединное бытие между непосредственно осязаемой реальностью и между видением чистой идеальности”². Сама культура, считает профессор Виктор Овчинников, в своей эволюции проходит три основные стадии: 1) безымянная культура,

¹ М. М. Бахтин, *Эстетика словесного творчества*, Москва 1979, с. 261–268.

² В. Ф. Асмус, *Круг идей Лермонтова*, Москва 1941, с. 39.

2) промежуточная (в нашей терминологии мезонимная, срединная) культура, 3) персонифицированная культура. Автор считает, что Россия занимает промежуточное положение между Востоком и Западом и это отразилось на особенностях её культуры³.

Современные исследователи отчётливо ощущают срединность языка в следующих её вариантах: 1) язык как пространство между музыкой и шумом („не музыка ещё, уже не шум” – И. Бродский); 2) язык как пространство между театром и шумом; 3) третий (т.е. срединный) язык в переводоведении: между языком оригинала и языком перевода существует ещё язык цитации из разных языков, который в оригинале приводится без перевода.

Само творчество отдельного писателя может носить мезонимный характер. Так, Умберто Эко в книге *Le poetiche di Joyce* (Milano 1994; польский перевод Марка Косьника, Варшава 1998) отмечает, что разум Джойса изобрёл „изысканный приём оппозиции и медитации”, основывающийся на таких мезокомпонентах, как: 1) между Средневековьем и новым натурализмом; 2) между средневековым человеком и человеком современным; 3) между театром и жизнью”⁴. По мнению Игоря Гарина, „... с Джойса началась интеллектуализация литературы, её конвергенция с философией и психологией”⁵.

Мы считаем, что упомянутые выше термины и понятия (мезонимность, срединность, интертекстуальность) являются единицами одного порядка, которые можно квалифицировать по двум аспектам:

1) по функции – как *резонантное пространство* текста/литературы (как это предлагает В.Н. Топоров);

2) по месту и структуре – как мезонимные, срединные, промежуточные зоны.

По мнению исследователей, в резонантном/ мезонимном пространстве функционируют:

а) поэтика общих мест,

б) автоцитаты,

в) фольклорные клише,

г) гиперцитаты, отсылающие одновременно к текстам русских и иностранных авторов;

³ В. Овчинников, *Феномен таланта в русской культуре*, Калининград 1999, с. 89–90.

⁴ U. Eco, *Poetyki Joyce'a*, przeł. M. Koźnik, Warszawa 1998, с. 21–22.

⁵ И. Гарин, *Пророки и поэты*, т. 2, Москва 1992, с. 323.

д) реминисценции и подобные им факты, являющиеся отправной точкой в диалоге различных культур.

На принципах диалогичности основывается и *культура пограничья*, выступающая в двух основных ипостасях: 1) внутреннее пограничье, 2) внешнее пограничье. Примером первого типа служит культура анклава Калининградской области. Внешнее пограничье (которое и является объектом данного исследования) представлено русско-украинско-польскими языковыми контактами.

В этом плане определенный интерес вызывает проблема „Русские эпонимы в аспекте культуры пограничья”. Здесь любопытна история появления в польских текстах и словарях литературных эпонимов, связанных с фамилиями *Хлестаков* и *Достоевский*.

Ещё в поэме *Kwiaty Polskie* (1949) Юлиан Тувим, переводчик Пушкина, параллельно с поэтонимом *Дон-Жуан* вводит эпоним *Хлестаков* при характеристике заправского курортного льва, ср.:

W żółtych sztybletach i koszuli
„A la Słowacki”. Jest to pyskacz,
Dowcipniś, Chlestakow letniska,
Don Juan „zza żelaznej Bramy”,
Masowo uwodzący damy (cz. I, 3).

Как свидетельствует *Słownik eponimów czyli wyrazów odmiennych* (Warszawa 1996) Владыслава Копалинского, в современном польском языке функционируют два эпонима, образованных от вышеприведенных собственных имён: *Donżuan* (сращение двух слов плюс французская огласовка) и *chlestakowszczyzna* – конструктор, соответствующий по форме русскому оригиналу.

Более трудной оказалась судьба литературного эпонима *достоевщина*. Несмотря на то, что в Польше много плодотворно занимаются проблемой Достоевского, *Словарь* В. Копалинского не зафиксировал подобной эпонимной формы. Польские переводчики передают её, как правило, описательно, ср.:

а) ... Ничего не во-первых! – кричал пожилой, – а сидит в тебе *достоевщинка*! Да – с! (М Булгаков, *Записки покойника. Театральный роман*);

б) *Żadne po pierwsze!* – krzyczał starszy literat. – Jesteś typek z Dostojewskiego, i tyle (Michał Bułhakow, *Powieść teatralna*. Warszawa 1967: переводчик Земовит Федечки).

Этот факт можно интерпретировать по-разному, однако главным, по нашему мнению, здесь является неприятие польской учёной и вообще читающей публикой того смысла, который был вложен в понятие *достоевщина* Горьким и Лениным. Последний, кстати, осквернил и эпоним *толстовство*, определив его как негативное по отношению к цивилизации учение Льва Толстого. „А толстовство, – возражает по этому поводу современный режиссёр Марк Розовский, – это великое слово, подразумевающее прежде всего ненасилие. Как говорится, „душа божия внутри нас...” Может, одно нас и спасёт – толстовство”⁶. Здесь мы сталкиваемся с парадоксальной ситуацией: эпонимы, оказывается, являются объектом не только внешнего двуязычия (в данном случае польско-русского), но и своеобразного внутреннего, внутривосточного двуязычия. Толстой был, как известно, виднейшим представителем русского классического языка и литературы, а Горький, к примеру, застрял на пограничье русского классического языка и новояза, т.е. русского языка советской эпохи. Неслучайно религиозный философ А. С. Изгоев в 1918 году под понятием *горьковщина* подразумевал „яркое порождение смеси народного босячества с интеллигентским большевизмом и духовным босячеством”⁷. В целом, русской лингвистике предстоит серьёзная работа по установлению действительного аксиологического статуса многих русских эпонимов, среди которых одно из видных мест занимает понятие *достоевщина*.

Особое место в культуре пограничья занимают польско-украинские языковые контакты, поскольку в них категория мезонимии находит своё наиболее яркое проявление. Известно, что украинский язык, генетически восходящий к восточнославянской языковой группе, типологически тяготеет к западнославянским языкам и занимает, таким образом, срединное положение между русским и польским языками. Это обстоятельство было отмечено в своё время Н. С. Трубецким и поддержано профессором Н. И. Толстым⁸. К числу известных фонетических, лексических и грамматических критериев западнославянской типологии мы относим⁹ и параметр опускаемого местоимения (*pro-drop parameter*), точнее

⁶ М. Розовский, *Отечественные записки*, „Огонёк”, Москва 1997, № 2, с. 39.

⁷ А. С. Изгоев, *Социализм, культура и большевизм*, [в:] *Вехи. Из глубины*, Москва 1991, с. 366–367.

⁸ Н. И. Толстой, *Мысли Н. С. Трубецкого о русском языке и других славянских языках*, [в:] *Язык и речь как объекты комплексного филологического исследования*, Калинин 1981, с. 114–115.

⁹ L. Mironiuk, *Pro-drop parameter в польском и украинском языках*, „Acta Polono-Ruthenica IV”, Olsztyn 1999, с. 206–213.

его большую синтаксическую и функциональную выраженность в украинском, нежели в русском языке. Это подтверждается, в частности, текстами переводов *Евгения Онегина* Пушкина Максимом Рыльским, Юлианом Тувимом и Адамом Важином, ср.:

а) **Он пел** разлуку и печаль,
И нечто, и туманну даль....
Он пел поблеклый жизни цвет
Без малого в восемнадцать лет...¹⁰

б) **Співав** про муки і печаль,
Про щось і про туманну даль
Співав, що в'яне серця цвіт,
Не мавши й вісімнадцять літ...¹¹

в) **Opiewał** kraj, co w dali mży...
Śpiewał wyblakły życia kwiat...¹²

г) **Śpiewał** i pieśń miłością poił...
Śpiewał swój żal u dróg rozstajnych...¹³

В данных фрагментах отчётливо проявляется параллельное использование *анафоричности* – и как литературного приёма, и как лингвистического явления, а именно присутствия/отсутствия анафорического местоимения „он”. Этот факт свидетельствует о том, что в польском и украинском текстах лингвистическая анафоричность (в отличие от русского оригинала) обходится без дейктического компонента. В своё время академик Л. А. Булаховский подчёркивал: „Дуже серйозний спосіб підвищення легкості сприймання – це є звуження сфери застосування анафоричних займенників”¹⁴.

Так, анализируя лингвостилистические особенности произведений Ежи Путраменты, С. Левиньска замечает: „Мова оповідання багата на дієслова... Ці граматикостилістичні прикмети оповідання особливо впадають в око, якщо зважити на таку формальну своєрідність відмінюваних форм польського дієслова, як вживання особових форм переважно без особових займенників. Таким чином маємо як би систему речень із дієслівним початком, підпорядковану авторському задуму, пор.:

¹⁰ О. Пушкин, *Эвгеній Онєгин*, перекл. М. Рильський, Киев 1974, с. 34.

¹¹ Ibidem.

¹² A. Puszkina, *Eugeniusz Oniegin*, przekł. J. Tuwim, A. Ważyk, Kraków 1997, rozdz. 2, 10.

¹³ Ibidem.

¹⁴ Л. А. Булаховский, *Курс русского литературного языка*, т. 1, Киев 1952, с. 318–319.

Siedzieliśmy przy stole... Chrzękali... Cięli nożem płaty boczką”¹⁵. Особой выразительности данный приём приобретает в поэтике Богдана Лепкого, который, как известно, творил на пограничье украинского и польского языков и культур. Один из его рассказов имеет символическое название – *Allegro patetico*, что (как указано в примечании) в итальянском языке означает „в ускоренном темпе”. Именно такой темп и задают названия рассказов и зарисовок Лепкого, ср.: *Кидаю слова, Дочекався, Добив торгу, Підписався, Не виходимо з хати, Лежав при відчиненім вікні* и др.¹⁶

Таким образом, культура польско-восточнославянского пограничья охватывает целый комплекс проблем, связанных с семантическими, грамматическими и прагматическими категориями сравниваемых языков, их культурологическими функциями и лексикографическим описанием. Их дальнейшее исследование позволит раскрыть не только региональные языковые особенности, но и выявить отдельные черты общетеоретического характера.

Streszczenie

Kultura polsko-wschodniosłowiańskiego pogranicza w aspekcie mezonimii

W niniejszym artykule analizie naukowej zostały poddane zjawiska kulturowego pogranicza, mezonimii i intertekstualności w ich związkach systemowych. Autor klasyfikuje je w dwóch aspektach: 1) według funkcji – jako przestrzeń rezonansowa tekstu/ literatury; 2) według miejsca w strukturze jako strefy mezonimiczne. Szczególną uwagę zwrócono na fragmenty tekstów pułkińskich w tłumaczeniu Juliana Tuwima, Adama Ważyka i Maksyma Rylskiego. Autor rozpatruje niektóre rosyjskie i polskie eponimy, jak również zjawisko *pro-drop parameter* w języku ukraińskim i polskim.

Summary

Polish-Eastern Slavic borderland culture from the aspect of mezonimy

The article studies certain phenomena of a cultural borderland, mezonimy and intertextuality taken in relation. The author classifies these in two aspects: a) due to the function – a resonance space of a text / literature; b) due to the place – mezonimic spheres in structure. Special attention was paid to excerpts of Pushkin’s texts translated by Julian Tuwim, Adam Ważyk and Maxim Rylski. The author examines some Russian and Polish eponyms as well as *pro-drop parameter* phenomenon in Polish and Ukrainian languages.

¹⁵ S. Lewińska, *Mowa utworów Jerzego Putramenta*, Warszawa 1978, c. 27.

¹⁶ Б. Лепкий, *Твори: в двох томах*, т. 1, Київ 1991, с. 512.